

раться наверх по лестнице. И страсть его разгорелась огнем, но не светлым, как пламя горящего можжевельника, а темным, как раскаленный уголь, и он все время прислушивался, не идет ли она за ним следом. Но вместо того чтобы услышать ее шаги, он вдруг услышал ее голос, говоривший:

. – Господин секретарь, подождите минуту, я только спрошу мужа, позволит ли он прийти сюда к вам.

Подумайте только, благородные дамы, как должен был выглядеть этот урод в слезах, если даже улыбаясь он был похож на обезьяну? А он действительно горько заплакал и стал просить ее ради всего святого не выдавать его мужу, который был его другом.

– Но вы же его так любите, – отвечала она, – что не позволите себе обратиться ко мне со словами, которых ему не следовало бы слышать, вот я и спрашиваю его позволения.

И как он ни молил ее, как ни требовал, чтобы она этого не делала, она поступила по-своему, а муж был очень доволен, услышав, как ловко его жена постояла за свою честь и обманула негодника. И сама добродетель ее доставила ему столько радости, что он не стал ни в чем винить секретаря, считая, что тому и так должно быть стыдно – он ведь задумал учинить подобное непотребство в доме своего друга.

– Мне думается, что история эта должна научить людей порядочных не принимать у себя в доме тех, у кого нет совести и в чьем сердце нет места богу и настоящей любви.

– Хоть история ваша и очень коротка, – сказала Уазиль, – но она очень занимательна и служит к чести этой достойной женщины.

– Право же, – воскликнул Симонто, – не слишком-то уж велика честь отказать такому уроду, как этот секретарь. Вот если бы он был красивым, да к тому же еще и человеком благородным, пусть бы она тогда попробовала перед ним устоять. А так как я уж догадываюсь, о ком идет речь, то, будь сейчас мой черед, я бы сумел рассказать вам не менее занятную историю.

– За этим дело не станет, – воскликнула Эннасюита, – я передаю вам слово.

Тогда Симонто начал так:

– Те, кто привык жить при королевском дворе или в больших городах, до того высоко себя ставят, что готовы считать всех остальных людей ничего не стоящими в сравнении с ними. Но разве в других местах и среди людей совершенно другого круга мало встречается разных ловкачей и хитрецов? Во всяком случае, чем больше человек возомнит о себе и о своей хитрости, тем веселее бывает потешаться над ним, когда он совершает какой-нибудь промах. Об одном из таких происшествий, приключившихся некогда, вы и узнаете из моего рассказа.

Новелла двадцать восьмая

Бернар дю Га ловко обманывает секретаря, который был уверен, что сам его обманул.

Когда король Франциск, первый этого имени, пребывал в городе Париже, а сестра его, королева Наваррская, была вместе с ним, секретарем у королевы служил некий Жан.³⁴⁰ Это был малый себе на уме. И не было ни одного председателя или советника, с которым он бы не был знаком. Купцы и все богатые люди принимали его у себя в доме как равного. Как раз в это время в Париж прибыл один купец из Байонны³⁴¹ по имени Бернар дю Га – в город его привели дела, он рассчитывал найти совет и заступничество главного прокурора, который был его земляком. Секретарь королевы Наваррской, как верный слуга своих господ, точно так же нередко навещался к прокурору. И вот, как-то в праздник, придя к нему, секретарь не застал дома ни его самого, ни жены, но зато в доме у него оказался в это время Бернар дю Га, который, играя не то на виоле, не то на каком-то другом инструменте, обучал служанок гасконским танцам. Увидев это, секретарь тут же решил ему сказать, что он поступает крайне неосмотрительно и что если только прокурор и его жена об этом узнают, они будут очень недовольны. Напугав его до такой степени, что тот стал умолять никому ничего не рассказывать, секретарь спросил его:

³⁴⁰ По всей вероятности, это Жан де Фротте, управляющий финансами королевы Маргариты.

³⁴¹ Байонна – город на юго-западе Франции, в провинции Гасконь.